

Ведро с котятami

Кира Измайлова

ФАНТАСТИКА

— Маша, — негромко произнес Сан Саныч, — Машенька, ну как же так?

Девушка в ответ только беспомощно приподняла плечи. Глаза ее увлажнились, и Сан Саныч отвернулся — он не переносил женских слез.

Зная об этой его слабости, мать и жена вили из него веревки. Спасибо, дочерей не было, только сыновья, зато хватало племянниц. И сотрудниц. И практиканток.

— Сделать хотел грозу, а получил козу?..

Сан Саныч любил старые песенки и иногда даже цитировал их к месту. Маша кивнула и украдкой утерла нос тыльной стороной ладони.

— Кто не обесточил прибор, спрашивать не буду. В журнале посмотрю, — сказал Сан Саныч. Он чувствовал себя до крайности неловко, хотя имел все основания негодовать. — Вы понимаете, Маша, что этому человеку грозят санкции вплоть до увольнения?

— Не надо никого увольнять. Я сама включила, — тихо сказала практикантка. — Ничего сложного — рубильник в коридоре, а пароль — вон он, на доске написан...

Сан Саныч посмотрел на выведенный ярко-красным маркером на белом набор букв и цифр, беззвучно выругался, а вслух добавил:

— Разгильдяи! Уволю всех к чертовой матери! Неужели так трудно запомнить, а?

Девушка кивнула. По правде сказать, этот тридцатизначный шедевр и впрямь мог запомнить с первого раза только человек с эйдетической памятью.

— Маша, вы же знаете правила техники безопасности? — все также негромко сетовал Сан Саныч. — Лекцию слушали, экзамен сдавали, в журнале расписывались?

— Да...

— Ну тогда скажите, сколько пунктов инструкции вы нарушили.

— Наверно... все.

Маша смотрела в пол, и Сан Саныч тоже невольно посмотрел вниз — на потертом паркете одно за другим появлялись темные пятнышки.

— Зачем? — безнадежно спросил он, предвидя уже комиссии, инспекции и прочую дрянь, неизбежную в подобных случаях. И жалко-то как: лучшая выпускница, талантливая, на практике себя прекрасно показала, еще немного и... Чего ради ей понадобилось включать МЭЛС? Прибор был, если честно, так себе. Малый экспериментальный лабораторный синтезатор спихнули к ним в отдел, когда установили БЭЛС. Вот с ним-то уже пошла настоящая работа, к которой практикантов, естественно, не допускали. Ну а МЭЛС ни к чему серьезному пристроить не выходило: энергии он потреблял массу, а выхлоп, что называется, был близок к нулю. Но вот для мелких экспериментов МЭЛС годился: для них прибор

обычно и использовали, если его более продвинутой младший братец был основательно загружен. Впрочем, это было несколько лет назад. Теперь БЭЛС перевели в новый корпус, оснастили всей необходимой периферией, а о прототипе позабыли.

«Лучше бы с баланса его сняли и увезли куда-нибудь в музей, — думал иногда Сан Саныч. — Только место занимает, а толку от него — шиш да ни шиша».

Тут он, конечно, преувеличивал: на МЭЛСе тренировались практиканты... Вот как Маша, будь она неладна! Кроме того, Сан Саныч прекрасно знал, что лаборанты иногда злоупотребляют, но, пока никто не попадался, он закрывал на это глаза: больше времени потратишь на всякую бюрократию. Опять же, лаборанты хорошо знали возможности МЭЛСа и не выходили за допустимые показатели, а что уж они там пытались создать... Сан Саныч подозревал, что закуску под пробирку добытого у соседей-химиков спирта, а то и сам спирт, чтобы далеко не ходить, но еще ни разу не сумел поймать негодяев на горячем — шифровались они гениально. Иногда Сан Саныч даже думал, что ничем мерзавцы на самом деле не занимаются, а просто его троллят, как теперь принято выражаться у молодежи.

Что до практикантки... Наверно, никто бы и не узнал, чем она занималась поздним вечером в лаборатории, если бы Сан Саныч не задержался на работе, не взглянул на служебный монитор и не обнаружил странную активность отключенного вроде бы прибора.

— Зачем, Маша? — повторил он. — Вы же знали, что запрещено создавать органических существ. Тем более бесконтрольно!

— Я не уверена, что он целиком органический, Сан Саныч, — дерзко ответила практикантка и снова шмыгнула носом. — Там... всякое...

— Из чего же, из чего же, из чего же сделана эта страшилка? — немелодично пропел он и посмотрел на тварь, сидевшую за бронированным стеклом. Тварь посмотрела на него, и Сан Саныч, вздрогнув, отвернулся.

— Вот что, Маша, — проговорил он ровным тоном. — У меня еще есть дела, рутинная, знаете ли... Думаю, мне хватит получаса, чтобы с ними закончить. Вы тоже, будьте любезны, завершите свой эксперимент.

— То есть...

— Завершите его, — с нажимом повторил Сан Саныч. — Как включать режим утилизации отходов, вы помните, я надеюсь?

— Нет... — Маша попятилась. — Нет, я...

— Не помните? Инструктаж забыли?

— Я не могу! У него... у него глазки!..

Сан Саныч покосился на ЭЛС. У твари за стеклом действительно были глазки. Шесть или семь, пересчитать

точнее возможным не представлялось. Возможно, в лохматой черной шерсти пряталось еще полтора десятка гляделок. Или чего похуже.

— Маша, — сказал он, — даю вам полчаса. Утилизатор срабатывает очень быстро, так что вам хватит времени подумать о своем будущем. Вы же понимаете: я не смогу оставить вас в лаборатории после... этого вот. Если кто-то узнает, то ваша карьера окончится, не начавшись. Но, полагаю, никому не нужно знать о такой мелочи...

— То есть вы никому не скажете? — тихо спросила девушка.

— Не скажу, — с досадой ответил Сан Саныч, проклиная себя за доброту. — Можно подумать, никто не творил всякой ерунды! Избавьтесь от этого чучело-мяучело, и будем считать, что ничего не было. Только не удаляйте исходники! Надо посмотреть, что вы там накрутили, раз у вас получилось жизнеспособное существо... Вы понимаете, что это тянет на докторскую, Маша?

— Я еще и кандидатскую не написала, — криво улыбнулась она.

— У вас все впереди, — утешил он, протянул руку и отечески потрепал девушку по плечу. — Я засекаю время, Маша. Заканчивайте и идите домой, час уже поздний, гроза вон собирается, вымокнете, чего доброго!

Сан Саныч вышел из лаборатории быстрым шагом — ему казалось, что созданное практиканткой существо неотрывно смотрит ему в спину. Осмысленно смотрит.

— Ерунда какая, — сказал он сам себе, сел за стол и подвинул клавиатуру поближе. Дел хватало с избытком.

Маша смотрела на приговоренное к казни существо за стеклом. Существо смотрело на нее, а еще немного вбок, вверх... и во все стороны.

Она всегда хотела кота. Наивное такое желание: с детства мечтала о черном, без единого белого пятнышка котенке, но никак не получалось завести, родители не позволяли. Потом, когда Маша заканчивала школу, они принесли ей кошку — породистую, с виду плюшевую, а на деле неласковую, если не сказать злобную. Еще обиделись: сама хотела, теперь передумала, да? И бесполезно объяснять, что хотела совсем не такую.

Теперь, когда Маша жила одна, можно было завести хоть трех котов, только подходящий никак не попадался. Самый-самый, лучше которого нет! Вот она и решила попробовать. В худшем случае ничего бы не получилось, а в лучшем — никто бы не узнал. Разве же могла она подумать, что Сан Саныч засидится допоздна...

А даже если бы не он... Что делать с этим вот?.. Не знаешь, как и назвать! Не брать же с собой? Вынести-то можно — под куртку, прижать к себе, чтоб даже не пискнул, охранник не заметит. А в утилизатор можно бросить хоть содержимое мусорной корзины, неужели Сан Саныч будет проверять состав отходов? Однако на это Маша не решилась. Струсила.

Теперь нужно было привести казнь в исполнение. Всего пара кнопок — сброс, активация, утилизация.

Она уставилась на серый угловатый корпус МЭЛСа, наводящий на мысли о старинных броненосцах или танках. Неудивительно: изначально прибор предназначался для ВПК, отсюда и характерный неповторимый дизайн. Наверно, каждая женщина в лаборатории хоть раз да цеплялась за угол или какую-нибудь заклепку колготками, проклиная тех, кто не обработал эту железяку напильником как полагается.

Внутри серого ящика прятался демон. Самый настоящий демон — его когда-то давным-давно придумал британский ученый. Такие вот были игры разума у тогдашних физиков. Это вымышленное создание много лет не давало покоя коллегам Джеймса Максвелла, пока наконец демона не удалось материализовать и приспособить к делу. Для начала — в виде одноэлектронного транзистора, теперь...

Теперь технодемон сидел внутри МЭЛСа и занимался измерениями. В БЭЛСе таких был не один десяток, и сколько операций они проводят в секунду в зависимости от заданных параметров системы, Маша с ходу сказать затруднялась — такие расчеты не всякий компьютер потянет.

За окном раскатисто громыхнуло, в приоткрытое окно ворвался влажный ветер, и Маша бросилась закрывать створку, радуясь крохотной отсрочке. Рукавом она зацепилась за роскошный папоротник — гордость лаборатории. Ему, наверно, лет было больше, чем самой Маше. И вот теперь эта гордость полетела с широкого подоконника на пол.

— Елена Сергеевна убьет... — сама себе сказала Маша, закрыв наконец окно, и принялась собирать черепки. Земля почти не просыпалась — тугой ком корней занимал почти все пространство в разбившемся горшке.

«Если пересадить, а утром прийти пораньше, она, может, и не заметит, — мелькнуло в голове. — А если заметит, скажу, что это сюрприз. Тоже не похвалит, но...»

Приятно было думать о такой ерунде и прикидывать, где раздобыть землю, во что засунуть несчастное растение. Вот только ее ждало другое дело...

За окном снова сверкнуло и громыхнуло, полил дождь. Зонт Маша, как обычно, не взяла. Но это не страшно, есть «общественный» — большущий, мужской, под ним можно втроем спрятаться. Главное, не забыть его дома и повесить на место у двери.

«Хватит уже тянуть! — обозлилась на себя Маша и шагнула к МЭЛСу. — Сама виновата, знала же, что делала... исправляй теперь». Она взглянула на чучело-мяучело, как метко окрестил неведомое создание Сан Саныч, вдохнула поглубже и протянула руку к клавише сброса. Польшнула молния, свет в лаборатории мигнул и погас.

«Пробки выбило», — подумала Маша. В старом корпусе это случалось регулярно без всяких гроз, и хорошо, что все приборы теперь были подключены к ИБП, иначе...

«А как же МЭЛС?» — спохватилась она, вспомнив: уборщица ругалась — провода так лежат, что волей-неволей зацепишь их шваброй, и вроде бы собирались переложить их...

Маша беспокоилась напрасно: уборщица была аккуратной и не выдернула шнур бесперебойника из сети. Вот только доли секунды, прошедшей между отключением электроэнергии и включением ИБП, хватило для того, чтобы демон Максвелла немного растерялся и пропустил одну крохотную, незначительную молекулу в своих непрерывных измерениях. МЭЛС ровно гудел, как обычно, помогивал индикаторами, и Маша выдохнула... и забыла вдохнуть, когда свет вдруг включился.

«И что мне с этим теперь делать?!» — панически подумала она, но тут же взяла себя в руки. Сан Саныч непременно прибежит проверить, как она тут, и к тому моменту все должно быть в порядке.

Так и вышло: когда свет включился, а Сан Саныч ворвался в лабораторию, Маша как раз собиралась домой.

— Ничего себе! — сказал он. — Жахнуло так жахнуло. У вас все нормально?

Маша молча указала на МЭЛС, и Сан Саныч подошел посмотреть. За бронированным колпаком ничего не было, а индикатор утилизатора показывал, что пора бы выбросить отходы.

— Вот и славно, — с облегчением сказал Сан Саныч, помолчал и неуклюже потрепал Машу по плечу. — Вас, может, подвезти? Дождь идет.

— Не нужно, спасибо. До остановки два шага, а троллейбус прямо к моему дому подъезжает, — криво улыбнувшись, ответила она. — Я все отключила, как полагается. Только не обесточила еще...

— Я сам, — поднял он руку. — Маша, вы... ну... в порядке?

— Да... да... Спасибо вам! — Девушка приникла к плечу Сан Саныча, и он чуть не отшатнулся, но все же нашел в себе силы потерпеть пару минут. — Я больше не буду, обещаю!

— Протоколы сохранили? — въедливо спросил он. — Хорошо. А теперь идите домой! Да, а ведро это вам зачем?

— Я горшок разбила, когда полезла окно закрывать, — шепнула Маша, ногой задвигая под стол пластмассовое ведро, из которого торчал разлапистый папоротник.

— Елена Сергевна...

— ...убьет, — закончили они хором.

— Я пересажу и утром принесу, она и не заметит! — завила Маша.

— Где вы ночью горшок-то найдете?

— Ну какая ночь, Сан Саныч? Магазины до полуночи работают! И дома у меня вроде была какая-то посуда...

— Ну идите тогда поскорее, пока опять не ливануло, — сказал он.

— Да, иду уже. И... спасибо вам! — искренне сказала Маша, схватила ведро и выскочила за дверь.

Хорошо еще, снова обниматься не полезла, подумал Сан Саныч. Проверил МЭЛС — все было в полном порядке, никаких следов посторонней органики не наблюдалось. А из утилизатора уж точно ничего вылезти не могло.

На улице еще моросило, но не сильно. Главное, ветер утих, и остановку не захлестывало дождем.

Маша стояла, пристроив ведро с папоротником у себя в ногах, и время от времени заглядывала себе за пазуху. Оттуда высовывалась черная мордочка с мокрым носом и предлинными вибриссами.

— Куда я остальных-то дену? — вслух подумала Маша, покосившись на ведро. Из зарослей папоротника на нее смотрело несколько пар глаз. — Ладно... пристрою как-нибудь! Правда?

Черный котенок под ее курткой согласно мяукнул и свернулся поудобнее. Лишний глаз у него за ухом был совершенно не заметен.

